

«Пока еще здесь жива»

Посвящается 70-летию дня рождения писательницы СССР, России, Почетному гражданину города

Майя ТУРАЛИНА

*Живу — выстраиваю дом.
Пишу — окошки прорубаю.
И нежность крышей в доме том,
Как небо — голубая.
Вот печь кладу из бед своих,
Полы повстелю из горя.
Что может быть прочнее их
В защите и опоре?*

Эти поэтические строки, выстраданные, написанные сердцем, принадлежат Екатерине Дубро, трижды лауреату литературных премий Кузбасса, первому лауреату литературной премии им. Волошина, присужденной за книгу «Нежность», необыкновенно самодостаточной, сильной духом женщине, открывшей душу читателю.

«С детства мой спасательный круг — бумажный, способ жизни и самопрояснения... Делала записи, находясь наедине с надежными собеседниками — бумагой и ручкой, большее время проводила дома. Из-за болезни. Болеть же на роду написа-

но, и в диво как раз моя живучесть — с тотальной мышечной дистрофией по наследству, застойным организмом, в многолетнем кроватном положении, без свежего воздуха, ухода и надлежащего лечения. Притом пылица, заразная вода. Мясного не ем давно (жалко животных), но и вообще питание скудное. Авитоминоз.

А возраст сорок пять уже, и душевных изъятий хватает... Так что болеть, чахнуть и умереть причин избыточно, а выжить — ни одной видимой.

Поэтому определяюсь-ка по жизнеспособности. И вот: всего питания чашка-две в день чаю или какао, а сижу по полсутки и дольше, поднимаюсь в три-пять утра.

Со мною и всегдашняя радость новых знаний, явлений, от книги к книге, от слова к мысли и переживанию, чистым пламенем горю, как не усохнуть!

Ну, и живу дальше. Горит моя свеча.

...Только один человек нужен мне в быту — женщина на зарплате от меня — и как можно реже и наскоро, при-

том, что в пределах кровати — самообслуживаюсь. Да при бумаге белой и авторучке, среди книг и с деревьями за окном.

Но случается и так: ...Сижу в полнейшем финансовом мраке. Со всегдашним доверием к жизни: если ей угодно, чтобы я продлилась, она об этом позаботится. Ну а нет — будет, как будет. Подумаю, небось, подшевелится. И появился Александр Филлимонович, уральский гость, с приветом от Раисы Николаевны — моей школьной учительницы. И с письмом... Скверно мне, самодержиче, оказываться в должниках, и вообще — лиха беда начало, только попусти, а я же, как выражаются, нищая, но не побирушка. Но мой телесный скарб постыдно возвеселился: жизни угодно еще продлить меня, расплачусь по быту, а себе куплю овощей и лапши. До пенсии доживу!»

Будучи совсем маленькой, Катя, заболев, сказала врачу: «Я не хочу жить», а несколькими годами позже в дневнике для себя самой записала девиз на всю жизнь: «Дорогу осилит

идуший»... Так и шла она по жизни — не сворачивая, не изменяя своим принципам.

«Я, живущая безнадежно, просыпаюсь утром, вновь им одаренная, а с заботами прежними. И новые приему любые: знала же. И каждый очередной день — уже СЕГОДНЯ. Когда и говорю: все равно сегодня лучше, чем будет завтра...»

Был у Кати Дубро и другой девиз, еще в юности принятый: «Ни дня без строчки». И ведь это так и было почти до конца ее жизни, пока не утратилась двигательные функции кистей рук.

«На книжном шкафу громко тикают часы: незримые, бестрепетные черные мойры отстригают от моей жизни час за часом, день за днем — со скоростью чака. Сижу, привалясь к стене, прячу в тряпуше ледяные руки. Глазею в сумрачное дождливое окно. Вот-вот заплачу.

— Второй день бездельно! — стонет во мне моя лучшая часть. — Хоть бы думать полезное! Виталинки-менталинки и все остальные мои,

не цепенейте! Или стихотворение сочините, а! И день не впустую бы. «Они» сжалились и сочинили, на вольную тему, оправдались!»

*Не назад оглянулась — окрест:
Здесь, сейчас,
пред собой, вблизи.
Говорила душа мне: «Твой крест,
Одна его и неси».*

*И несу. И не в тягость: мой.
А тоску дано ль превозмочь?
Я уже возвращаюсь Домой —
Сестра и, конечно же, дочь.
Но пока ещё здесь жива, —
Книги, будьте со мной заодно;
Охраните меня, дерева,
От взоров чужих в окно,
Лист тетрадный письма моего,
Претерпи, белизной осеня:
Ближе вас у меня никого.
А у вас — благодарней меня».*